

243 —
1234
Викторъ Острогорскій и Д. Д. Семеновъ.

А. В. Мавло.

Русскіе педагогическіе дѣятели.

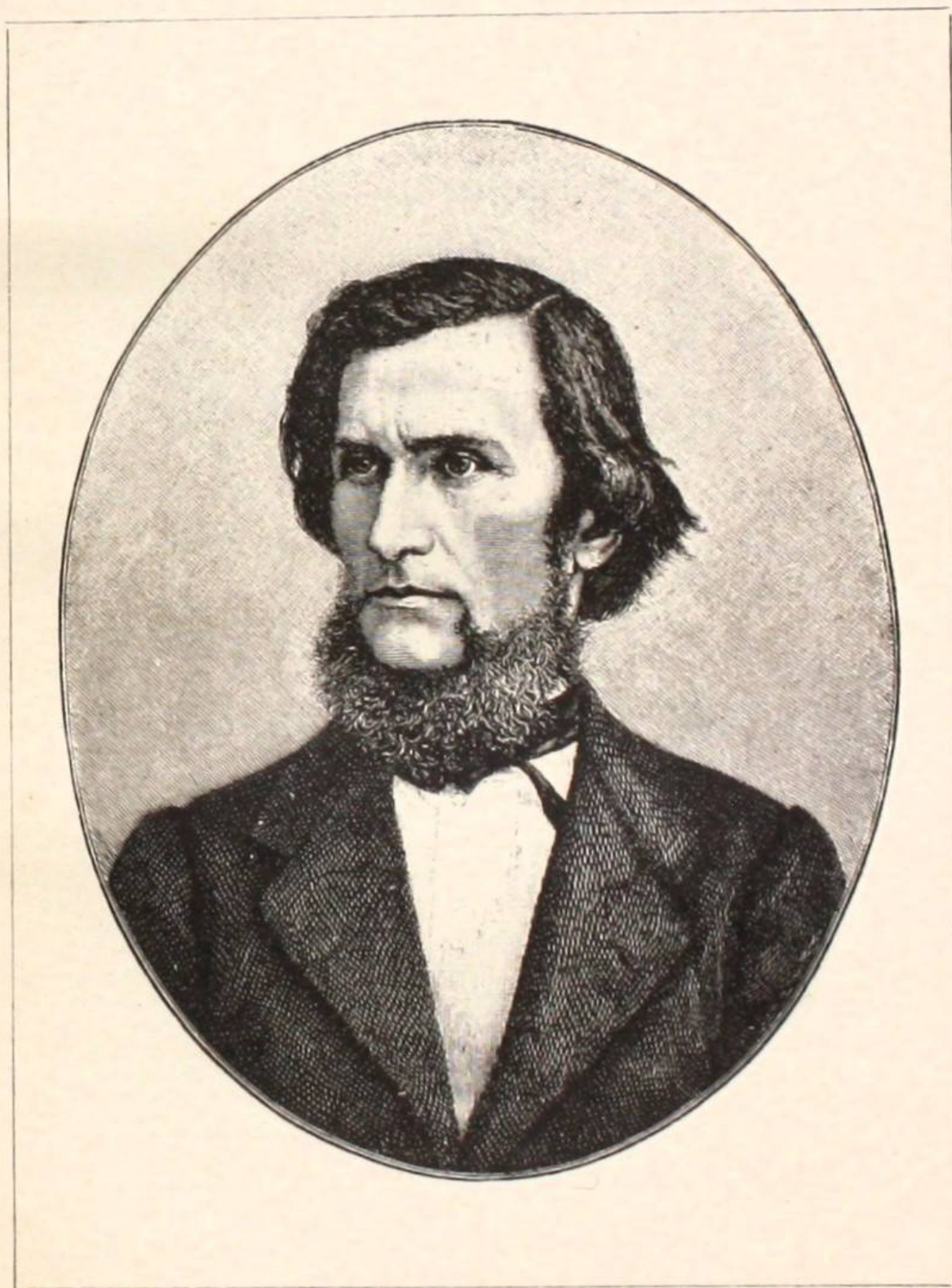
Съ портретами.

Цѣна 30 коп.

1. Н. И. Лироговъ, В. Острогорскаго
2. К. Д. Ушинскій, его же.
3. Н. А. Корфъ, Д. Семенова.

Изданіе 2-е Т-ва И. Д. Сытина.

Константи́нь Дми́триевичъ Ушинскій.

II.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

(Род. 1824 г., сконч. 21 декабря 1870 г.).

Вносить жизнь всюду, гдѣ онъ прилагалъ свой трудъ, — вотъ свойство его личности.

(Стоюнинъ).

Блаженни мертви, умирающіи о Господѣ отнынѣ. Ей, глаголетъ духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходять вслѣдъ за ними.

(Надпись на надгробномъ памятникѣ Ушинскому).

Если Н. И. Пирогову принадлежитъ починъ въ дѣлѣ нашего семейнаго и общественнаго воспитанія, то К. Д. Ушинскій, которому до сихъ поръ еще не явилось у насъ ни одного достойнаго преемника, по всей справедливости, — пока единственный русскій философъ-педагогъ теоретикъ, внесшій своими многочисленными сочиненіями яркій свѣтъ въ наши темныя воспитательныя дебри. Уже много лѣтъ прошло съ его преждевременной смерти; но его благотворный духъ невидимо живетъ среди насъ и въ семьѣ, гдѣ мать по *Родному Слову* и *Дѣтскому Міру* учитъ грамотѣ дѣтей; и въ школѣ, гдѣ учатся по этимъ же учебникамъ; и въ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ педагогическая антропология, *Человѣкъ какъ предметъ*

воспитанія, полагаетъ основу и направленіе педагогическому образованію учителя. Къ *Собранію* его же педагогическихъ сочиненій обратится всякій, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія, и съ огромною для себя пользой перечтетъ эти прекрасныя страницы, полныя не только ума и широкаго знанія, но и проникнутыя благородною личностью автора, писавшаго о вопросахъ воспитательныхъ и нравственныхъ съ рѣдкою задушевностью и необыкновенно популярно. Изъ этой книги, которую мы, вмѣстѣ съ сочиненіями Н. И. Пирогова, особенно рекомендовали бы всякой русской женщинѣ, читатель проникнется убѣжденіемъ, столь часто забываемымъ въ наше *практическое, малоидейное* время, что все человѣческое воспитаніе, всѣ многочисленныя школьныя науки сводятся, въ сущности, только къ тому, чтобы юноша пріучился находить удовольствіе въ разумномъ трудѣ и наслажденія духовныя ставить выше тѣлесныхъ, духовныя достоинства—выше случайныхъ; идею любить больше, чѣмъ карты, вино и деньги, и что вліяніе гуманной личности воспитателя—самая большая воспитательная сила, которой не замѣнять никакія регламентации. Въ статьѣ *О пользѣ педагогической литературы*, помѣщенной въ началѣ книги, авторъ указываетъ, какъ поддерживается эта литература учителей въ ихъ трудномъ дѣлѣ воспитанія, и какъ вырабатываетъ она само общественное мнѣніе; въ большемъ трактатѣ *О народности въ общественномъ воспитаніи*—рисуетъ блестящія характеристики воспитанія германскаго, англійскаго, французскаго и сѣверо-американскаго съ ихъ справедливой сравнительной оцѣнкой, и въ заключеніе возвращается къ своей любимой мысли, что *воспитаніе общественное только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго.* «Система

общественнаго воспитанія, — говоритъ авторъ, — вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была придумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ готовить техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества. Возбужденіе же общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть и множество общественныхъ заведеній».

Стараясь всячески возбудить въ русскомъ обществѣ интересъ къ вопросамъ педагогическимъ, Ушинскій пишетъ горячую статью о *Школьной реформѣ въ Сѣверной Америкѣ*, гдѣ указываетъ на Америку, какъ на страну, именно благодаря этому общественному интересу, сумѣвшую такъ широко поставить у себя воспитательное дѣло. Отсюда понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ авторъ привѣтствуетъ освобожденіе крестьянъ, открывшее широкій путь русскому образованію, и воскресныя школы (*Воскресныя школы — письмо въ провинцію*). Какъ тепло рассказываетъ онъ о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ посѣщенія одной изъ такихъ школъ, указываетъ на громадное ихъ значеніе, какъ для скорѣйшаго образованія народныхъ массъ, такъ и для самихъ образованныхъ учителей, при чемъ обращается съ горячимъ призывомъ къ русской женщинѣ, для которой находить въ участіи въ воскресныхъ школахъ самое приличное занятіе для христіанскаго воскресенья, и въ заключеніе предлагаетъ цѣлый планъ внѣшняго и внутренняго устройства такой школы.

Считая правильное устройство народныхъ школъ самую неотложною потребностью для Россіи, Ушинскій

изъ своего заграничнаго путешествія пишетъ семь замѣчательныхъ писемъ подъ общимъ заглавіемъ: *Педагогическая поѣздка по Швейцаріи*, въ которыхъ подробно знакомитъ съ устройствомъ швейцарскихъ семинарій и народныхъ мужскихъ и женскихъ школъ, относясь къ нимъ критически, безъ всякаго пристрастія, а затѣмъ предлагаетъ и свой собственный *Проектъ учительской семинаріи*; послѣднюю же статью, помѣщенную въ Народной школѣ 1870 г., посвящаетъ все тому же, любимому вопросу. Статья эта—*Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ*—опять-таки призываетъ къ школьной дѣятельности само общество и требуетъ для нашей юной школы какъ можно больше широкой и разумной свободы, при полномъ довѣріи къ обществу со стороны самой администраціи. Не распространяясь обо всѣхъ этихъ статьяхъ, точно такъ же, какъ и о замѣчательныхъ небольшихъ трактатахъ—*Родное Слово* и *О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи*, въ заключеніе нашего общаго указанія на интересъ и пользу сочиненій Ушинскаго и для настоящаго времени, позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на двѣ капитальныя статьи: *Педагогическія сочиненія Н. П. Пирогова*,—до сихъ поръ единственный по обстоятельности и серьезности разборъ литературно-педагогической дѣятельности великаго медика-педагога, и, особенно, на статью *Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи*. Эта горячая статья составляетъ какъ бы profession de foi автора, и потому напомнимъ о главныхъ ея положеніяхъ подробнѣе.

Обращаясь въ началѣ статьи къ исторіи, авторъ замѣчаетъ, что въ Индіи, Испаніи, въ императорскомъ Римѣ, наконецъ, даже въ Южной Америкѣ и Европѣ, богатства дѣйствуютъ прямо разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастье общества,

если только это общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска приливающего богатства. Безчисленные примѣры изъ жизни, и общественной, и частной, вполне убѣждаютъ автора, что, хотя матеріальные плоды трудовъ и составляютъ человѣческое достоиніе, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служить источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья. Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорній: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ матеріальныхъ богатствъ, погубилъ многія государства, вырождаетъ сословія, уничтожаетъ роды и лишаетъ нравственности и счастья многія тысячи людей. «Такое значеніе труда коренится въ его психологической основѣ. Трудъ,—говоритъ авторъ,—есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для той или другой истинно-человѣческой цѣли. Отдѣляя истинный трудъ отъ работы изъ-подъ палки,—работы вынужденной, но не сознанный, въ смыслѣ ея неотложной, разумной необходимости, отъ стараній капиталиста приумножить себѣ на потребу свой капиталъ, отъ дѣятельности надувающего покупателя купца, отъ всякихъ нарочно придуманныхъ отъ скуки заботъ и работъ, авторъ замѣчаетъ, что «трудъ не игра и не забава; онъ всегда серьезенъ и тяжелъ; только полное сознание необходимости достигъ той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить человѣка взять на себя ту тя-

жесть, которая составляет необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда». «Этотъ-то истинный, и непремѣнно свободный, трудъ и имѣетъ самое большое значеніе въ жизни человѣка, которая безъ него теряетъ всю свою цѣну и достоинство. Онъ-то и составляетъ необходимое условіе и для развитія, и для поддержки своего, уже достигнутаго, достоинства. Безъ такого личнаго труда человѣкъ не можетъ итти впередъ, не можетъ оставаться на мѣстѣ; но долженъ итти назадъ». Придавая труду такое значеніе по отношенію ко всякому отдѣльному лицу, авторъ подробно останавливается на жизни семейной, и отсутствіе этого же труда ставитъ главнѣйшею причиною семейныхъ несогласій и частой скоропроходимости, повидимому, такого безоблачнаго счастья браковъ по страстной любви; трудъ, по мнѣнію автора, есть единственное, доступное человѣку и достойное его счастье. И вотъ для того, чтобы приготовить ему это счастье, Ушинскій самой основной задачей воспитанія считаетъ приготовленіе къ такому разумному, удовлетворяющему душу труду. «И чѣмъ богаче человѣкъ, — говоритъ онъ, — тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать себѣ трудъ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни».

Обращаясь къ современному воспитанію, авторъ находитъ, что оно, напротивъ, особенно въ достаточныхъ классахъ, направлено къ тому, чтобы, по возможности, обезпечить человѣку праздность и наслажденія матеріальныя, и въ этомъ совершенно справедливо видитъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ печальнаго нравственнаго состоянія нашего общества. «Меркантильное направленіе нашего вѣка, — говоритъ онъ, — проникло даже въ науку и въ школу. Такъ называемыя *humaniora*,

науки философскія и историческія, замѣтно уступаютъ мѣсто наукамъ промышленнымъ. А если промышленность будетъ вести за собою науку, то по чѣмъ же слѣдамъ будетъ итти сама промышленность, и куда она приведетъ человѣка?» «Вотъ почему школа, позабывшая изреченіе Спасителя,—не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ,—и приготавливающая человѣка только къ матеріальной жизни, какъ бы утонченна она ни была и сколько бы ни требовалось для нея познаній,—не выполняетъ своего назначенія». Поэтому школа, имѣя въ виду развитіе человѣка духовно, должна непременно не только развитіе человѣка умственно и дать ему извѣстный объемъ свѣдѣній, но и *зажечь въ юношѣ жажду серьезнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойною, ни счастливою*. А для того, чтобы человѣкъ искренно любилъ трудъ, прежде всего нужно внушить ему серьезный взглядъ на жизнь. Этотъ же взглядъ приобретется, по мнѣнію автора, только тогда, когда наша школа получитъ болѣе серьезную, основательную философскую подкладку со стороны самихъ воспитателей.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшія положенія этой статьи о трудѣ, въ которой особенно ярко отразилась личность нашего замѣчательнѣйшаго педагога. Такимъ истиннымъ *труженикомъ-мыслителемъ-идеалистомъ* былъ онъ и всю свою жизнь, и, благодаря именно своему идеализму, успѣлъ сдѣлать такъ много для дорогого ему дѣла образованія. Начиная нашъ краткій очеркъ о немъ указаніемъ на нѣкоторыя изъ его статей, мы хотѣли только напомнить, какое богатое сокровище, которымъ, къ сожалѣнію, такъ мало нынѣ пользуются, открываютъ читателю его сочиненія, и какъ часто слѣдовало бы обращаться къ нимъ всякому, кому дороги воспитательные и образовательные интересы родины.

Теперь переходимъ къ очерку жизни Ушинскаго, по необходимости, очень краткому, такъ какъ фактовъ его жизни собрано еще очень мало. За исключеніемъ прекрасной брошюры г. Фролова *К. Д. Ушинскій* (Спб. 1881 г., ц. 50 к.), которой пользовались мы по преимуществу; *Очерка педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго*, Люстрицкаго (Казань 1882 г.); брошюрки, изданной въ 1881 г. въ Тифлисѣ — *Къ біографіи К. Д. Ушинскаго*, да статьи А. В. Старчевскаго *Мои воспоминанія о К. Д. Ушинскомъ* («Народная школа» 1885 г., № 1), вотъ, кажется, и всѣ матеріалы, появившіеся за послѣднія два десятилѣтія со дня его смерти. Не претендуя, такимъ образомъ, на оригинальность, намъ только хотѣлось въ нѣсколькихъ чертахъ напомнить читателямъ о личности нашего незабвеннаго педагога, о которомъ благодарныя его ученицы, сослуживцы и всѣ лица, близко его знавшія, хранятъ самое теплое, неизгладимое воспоминаніе.

Жизнь встрѣтила Константина Дмитриевича [Ушинскаго] ласково. Ни бѣдности, ни домашнихъ дразгъ, ни строгихъ наказаній не видѣлъ онъ въ дѣтствѣ, о которомъ впослѣдствіи всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ. Родился онъ въ Тулѣ, въ 1824 году. Родители его были люди хорошіе, образованные и достаточные. Отецъ, получившій воспитаніе въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, едва ли не лучшимъ тогда русскомъ учебномъ заведеніи, служилъ въ [военной службѣ] и участвовалъ въ войнѣ 1812 года, но потомъ вышелъ въ отставку и поступилъ уѣзднымъ судьей въ Новгородъ-Сѣверскомъ, Черниговской губерніи, гдѣ и жилъ постоянно въ своей подгородной деревнѣ, въ барскомъ домѣ, съ прекрасной бібліотекой, съ обширными дворомъ и садомъ, съ великолѣпнымъ видомъ на рѣку Десну. Это былъ человѣкъ безусловно честный, всѣми

въ городѣ любимый и уважаемый. Родители Константина Дмитриевича принадлежали къ старому малороссійскому дворянскому роду. Подъ исключительнымъ попеченіемъ матери получилъ мальчикъ первоначальное домашнее воспитаніе и сохранилъ о ней на всю жизнь самое теплое воспоминаніе. Тамъ-то, въ этомъ родительскомъ домѣ, и слѣдуетъ искать начала той глубокой вѣры въ благотворность вліянія на ребенка семьи, которая впоследствии полагалась имъ основою настоящаго воспитанія. Въ своей же хорошей семьѣ (дурныхъ, повидимому, приходилось видѣть ему мало), вѣроятно, и получилось имъ то, нѣсколько розовое, идеальное, отношеніе и къ русской семьѣ вообще, которое проглядываетъ въ его статьѣ *О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи*, гдѣ онъ, въ увлеченіи, считаетъ русскую семью даже лучше англійской. Тамъ же развилась въ немъ и любовь къ народу, деревнѣ, природѣ, и вообще, то поэтическое настроеніе, которое заставило его впоследствии высказать, что «прекрасный ландшафтъ, окружающій ребенка и юношу, имѣетъ огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души». Въ 1835 году мать его умерла; отецъ вскорѣ женился во второй разъ, и мальчика отдали въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, прямо въ третій классъ. Судьба и тутъ ему улыбнулась. Гимназія оказалась одною изъ лучшихъ, имѣя директоромъ извѣстнаго стараго профессора, Ивана Ѳедоровича Тимковскаго, по словамъ біографа Ушинскаго, г. Фролкова, *страстно любившаго науку и соединявшаго въ себѣ юношескія стремленія съ глубокими религіозными убѣжденіями*. Этотъ-то педагогъ-классикъ, сумѣвшій чтеніемъ Библии и разумнымъ изученіемъ Горация, Виргилія, Тацита и Цицерона достигъ самаго главнаго въ воспитаніи—вслить въ ученикахъ благоговѣйное уваженіе къ наукѣ

и высокое религиозное чувство, на всю жизнь оставилъ въ душѣ своего воспитанника *высокое* понятіе объ истинномъ педагогѣ, присутствіе котораго въ школѣ Ушинскій всегда считалъ дѣломъ первой необходимости, безъ коей воспитаніе немислимо. Благодаря этому-то руководителю, ученикамъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, если и не давалось особенно обширныхъ знаній, но зато внушалось какое-то благоговѣйное уваженіе къ наукѣ, и не только къ ея ученымъ представителямъ, но даже и къ тѣмъ изъ товарищей, которые съ любовью занимались хоть какой-нибудь одной наукой: «такихъ учениковъ уважали не только ихъ товарищи, но даже и малыши приговорительнаго, по тогдашнему, *первѣйшаго* класса». Этотъ духъ товарищества, при извѣстной свободѣ, предоставляемой гимназистамъ, которые всѣ, числомъ до 400, жили по частнымъ квартирамъ,—духъ, поддерживаемый любовью къ гимназіи, своему директору и учителямъ, общія прогулки, чтеніе и бесѣды по кружкамъ не мало способствовали также развитію добраго настроенія будущаго педагога, придававшего большое воспитательное значеніе развитію его въ школѣ. «Ознакомившись впоследствии со многими учебными заведеніями,—говоритъ г. Фролковъ,—Ушинскій высоко ставилъ свою гимназію, недостатки которой ему хорошо были извѣстны, и вотъ что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ сочиненій: «Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ; и такія, гдѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и рассчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, считаются чинами и поро-

дами своихъ родныхъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ по-
даетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній.
Когда мнѣ встрѣчаются молодые люди, кончившіе
курсъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи,—кончив-
шіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только
ни одной самостоятельной научной мысли, не только
ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но кото-
рые презрительно отзывались о своей учебной жизни,
о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености,
ученыхъ и наукѣ... о! тогда я по достоинству оцѣнилъ
и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь
къ учителю исторіи, и нашу гордость своими малень-
кими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который
овладѣвалъ нами при словѣ *университетъ*. Го-
воря о благодѣтельномъ вліяніи на новгородъ-сѣвер-
скихъ гимназистовъ природы, привольныхъ товари-
щескихъ прогулокъ, Ушинскій такъ заключаетъ свои
воспоминанія: «Голстыя каменные стѣны учебныхъ
заведеній большихъ городовъ, вокругъ—желѣзо и ка-
мень, камень и желѣзо, даже безъ куска земли, на-
верху—кусокъ вѣчно-закрытаго неба, внутри—то гробо-
вое молчаніе, то офіціальныи гулъ, въ которомъ ис-
чезаетъ всякая личность; повсюду сердитые аргусов-
скіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чин-
ность, вѣчная чистка и лакировка,—все это вѣтъ на
меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучитель-
ной бессмыслицей». Въ гимназіи, кромѣ общаго ува-
женія къ наукѣ, благодаря сношенію съ товарищами,
развился въ Ушинскомъ еще и тотъ особый демокра-
тическій духъ всеословности, который обратилъ впо-
слѣдствіи его вниманіе на народную школу. Юный
балованный барчукъ, провинціальныи аристократъ,
ежедневно посѣщавшій гимназію, отстоявшую отъ его
дома на четыре версты, нерѣдко захаживалъ въ бѣд-
ныя квартирки товарищей, дѣлилъ съ ними подчасъ

ихъ скудный завтракъ и, съ дѣтства знакомясь съ тѣмъ, какъ живутъ бѣдные люди, выучился цѣнить въ нихъ людей, независимо отъ ихъ происхожденія и состоянія. Что касается занятій уроками, Ушинскій готовилъ ихъ рѣдко, и изъ знаній, вынесенныхъ имъ изъ гимназій, выдается только одно основательное знаніе нѣмецкаго языка, которому выучился онъ уже въ четырнадцать лѣтъ такъ, что могъ понимать Шиллера. Этотъ-то Шиллеръ вмѣстѣ съ другими иностранными писателями, при врожденной въ юношѣ нѣкоторой меланхоліи, еще болѣе способствовалъ развитію въ немъ мечтательности и благороднаго идеализма, впоследствии подвигнувшего его такъ энергически на педагогическую дѣятельность. Та же мечтательность, при всей даровитости, кажется, и помѣшала ему получить аттестатъ въ гимназій, такъ что шестнадцатилѣтнему Ушинскому пришлось въ 1840 г. держать экзаменъ прямо въ Московскій университетъ, куда онъ и поступилъ на юридическій факультетъ.

Университетскій періодъ (1840—1844 г.) еще гораздо болѣе, чѣмъ гимназія, оказался благопріятенъ для Ушинскаго, какъ въ смыслѣ образовательномъ, такъ и въ смыслѣ развитія благородно-идеальнаго философскаго настроенія, которое рѣзко отличаетъ этого дѣятеля среди русскихъ педагоговъ. Послѣ измѣненія университетскаго устава въ тридцатыхъ годахъ и обновленія состава профессоровъ, при просвѣщенномъ попечителѣ, графѣ С. Г. Строгановѣ, Московскій университетъ того времени переживалъ едва ли не самый блестящій періодъ. Большая часть этихъ профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, возвратившіеся изъ Германіи съ богатымъ философскимъ запасомъ знаній, горячо любящіе науку и глубоко вѣрившіе, что только одна она, эта наука, можетъ водворить на землѣ счастье. Среди

нихъ особенно выдавались Грановскій, поселившій въ Ушинскомъ любовь къ исторіи, очень серьезно послѣднимъ изученной, и болѣе всѣхъ, по своему огромному вліянію на студентовъ, читавшій энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право, П. Г. Рѣдкинъ, на увлекательныя лекціи котораго стекались студенты всѣхъ факультетовъ, даже медики и математики. Значеніе этихъ лекцій было тѣмъ благотворнѣе, что большую часть курса онъ посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія коей немыслима никакая серьезная наука. А такъ какъ въ то время философія у насъ въ университетахъ не читалась вовсе, и даже логика и психологія, привязанныя къ курсу богословія, преподавались очень поверхностно законоучителемъ, то лекціи П. Г. Рѣдкина, можно сказать, были для студентовъ единственнымъ средствомъ сколько-нибудь расширить и обобщить свое міровоззрѣніе на основахъ философскихъ. Эти лекціи, вмѣстѣ съ лекціями Грановскаго, статистика Чивилева, профессора римскаго права Крылова и др., естественно, способствовали общему подъему духа студентовъ, внося въ жизнь молодежи внутреннее содержаніе и научные интересы. Поэтому-то на студентовъ того времени, и особенно на Ушинскаго, уже подготовленнаго къ этому новому университетскому духу хорошей гимназіей, рядомъ съ наукой, горячую проповѣдь которой слышали они съ профессорской кафедры, воспитательно дѣйствовало и товарищество, въ самые кутежи и неизбѣжныя юношескія увлеченія вносившее добрую поэтическую струю. Среди этого товарищества, большею частію демократическаго, нерѣдко терпѣвшаго нужды и лишенія, Ушинскій, и самъ нерѣдко бѣдствовавшій въ университетѣ, такъ какъ отецъ присылалъ деньги рѣдко и неаккуратно, занималъ положеніе весьма почтенное. Всѣ любили его за умъ, горячую,

острую, свободную рѣчь, за готовность всегда прійти на помощь товарищу и своими знаніями, особенно въ разъясненіи отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ, и послѣднимъ рублемъ, и трубкой табаку. Не мало способствовалъ развитію московской молодежи и театръ, съ Мочаловымъ и Щепкинымъ, находившійся тогда также въ лучшей своей порѣ. Посѣщеніе за какой-нибудь двугривенный театральнаго «рая» было самымъ любимымъ наслажденіемъ Ушинскаго, восторженнаго почитателя Мочалова, и вообще трагедіи, особенно любимой студентами. Рядомъ съ посѣщеніемъ лекцій, самостоятельнымъ изученіемъ наукъ, горячими товарищескими бесѣдами и спорами объ иностранной политикѣ, литературѣ и всевозможныхъ нравственныхъ и философскихъ вопросахъ, происходившими, большею частію, въ тогдашнемъ студенческомъ клубѣ, небольшомъ трактирчикѣ, близъ университета, *Великобританія*, получившемъ, благодаря Бѣлинскому и многимъ другимъ, историко-литературное значеніе умственнаго студенческаго центра тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, за свое университетское время, Ушинскій читалъ и произведенія художественныя, особенно Пушкина, Гёте, Гофмана и Жана-Поля Рихтера, — такъ что науки и искусство шли у него рука объ руку, не отрывая его въ то же время и отъ дѣйствительной жизни.

Такимъ-то образомъ, постепенно, подъ вліяніемъ семьи, малороссійской роскошной природы, гимназіи, университетской науки, товарищества, поэзіи и театра, выработывалась эта замѣчательно-цѣльная личность, сложившаяся къ двадцати годамъ своей жизни, къ тому юному возрасту, когда въ нынѣшнее время большинство еще едва только добирается до аттестата зрѣлости.

Черезъ два года по окончаніи курса вторымъ кандидатомъ правъ, Ушинскій получилъ мѣсто профес-

сора энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и науки о финансахъ, въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицѣѣ и съ жаромъ принялся за чтеніе лекцій, которыя, по словамъ бывшихъ его учениковъ, читалъ онъ увлекательно. Но уже въ 1850 году онъ долженъ былъ оставить службу въ лицѣѣ, гдѣ требовали съ него подробнѣйшихъ программъ каждой отдѣльной лекціи, на что онъ, въ виду крайняго стѣсненія живого научнаго преподаванія, не согласился и, переѣхавъ на житье въ Петербургъ, поступилъ, для пріобрѣтенія какихъ-нибудь средствъ къ жизни, чиновникомъ мин. внутр. дѣлъ, въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, на 400 р. въ годъ. Чиновникомъ бывшій профессоръ оказался плохимъ, и все свободное отъ службы время посвящалъ ревностному изученію англійскаго языка, философіи и особенно заинтересовавшаго его землевѣдѣнія Карла Риттера. Съ женитьбой, послѣдовавшей въ скоромъ же времени, средствъ оказалось недостаточно, и вотъ, съ 1852 г. мы видимъ будущаго педагога неутомимымъ сотрудникомъ - чернорабочимъ сначала въ *Современникѣ*, а потомъ, съ 1854, и въ *Библиотекѣ для Чтенія*. Масса срочной работы, переводной, компилятивной и критической, вдобавокъ еще плохо оплачиваемой, едва въ конецъ не разстроила и безъ того слабаго его здоровья; но, къ счастью, случай толкнулъ Ушинскаго на настоящую дорогу, по которой и пошелъ онъ съ неутомимою энергіей, неуклонно, съ 1855 г., до самой своей смерти (1870), — такъ что его педагогическая дѣятельность, доставившая ему вѣчное почтенное имя, непрерывно продолжалась не болѣе пятнадцати лѣтъ.

Въ 1855 году, по рекомендаціи его бывшаго начальника по лицѣю, П. В. Голохвастова, впоследствии директора Гатчинскаго Сиротскаго института, почетный опекунъ послѣдняго, графъ Ланской, знавшій лично Ушинскаго,

назначилъ Константина Дмитриевича сначала преподавателемъ словесности, а вскорѣ затѣмъ, и инспекторомъ классовъ института. Здѣсь-то, обезпеченный матеріально, Ушинскій ревностно принимается за исполненіе новой для себя обязанности руководителя огромнаго заведенія, представлявшаго цѣлую систему школъ, начиная съ дѣтскихъ начальныхъ, до высшихъ классовъ съ курсомъ законовѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и за изученіе педагогической литературы отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Три обстоятельства, какъ рассказываютъ его біографы—гг. Рехневскій, Старчевскій и Стоюнинъ, окончательно рѣшили его педагогическое призваніе. Прежде всего, конечно, на него повліяло время послѣ Крымской войны, когда все общество, по инициативѣ Н. И. Пирогова, съ лихорадочною страстностью обратилось къ критикѣ современнаго воспитанія, воспитательные вопросы обсуждались въ семьяхъ и обществахъ, и само правительство обратилось къ воспитательной реформѣ и стало искать людей, способныхъ къ ея осуществленію. Такой человекъ, нервно воспріимчивый ко всему, въ чемъ проявлялись насущныя потребности жизни, не могъ остаться равнодушнымъ къ современному общественному движенію. Второе обстоятельство, по словамъ А. В. Старчевскаго, было вотъ какое. Еще лѣтомъ 1855 г., будучи редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», г. Старчевскій нашелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ англійскаго *Athenaeum*'а интересную статью объ образованіи и воспитаніи и тотчасъ же послалъ журналъ Ушинскому въ Гатчину, прося поскорѣ перевести статью для журнала. Спустя нѣсколько дней, является къ нему Ушинскій въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ, и первымъ его словомъ было: «Ахъ, Альбертъ Викентьевичъ, что вы со мной сдѣлали! Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи?»

Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развивать, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'a», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мной будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ». Съ этого времени, по словамъ Старчевскаго, педагогическая идея такъ глубоко запала въ душу Ушинскаго, что онъ уже постоянно сталъ писать статьи педагогическаго характера, сначала объ американскомъ воспитаніи въ «Библіотекѣ для Чтенія», а потомъ въ журналѣ Чумикова *Воспитаніе* и др.

Къ этому же, приблизительно, времени относится также и третье знаменательное обстоятельство. Былъ въ Гатчинскомъ институтѣ, еще задолго до Ушинскаго, инспекторомъ нѣкій энтузіастъ-мечтатель Е. О. Гугель, кончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой и педагогическими теоріями, и оставившій въ институтѣ два шкафа собранныхъ имъ лучшихъ педагогическихъ и философскихъ книгъ. Эти два шкафа, запыленные и почернѣлые, тщательно запечатанные казенною печатью, навлекшіе, лѣтъ двадцать назадъ, гоненіе на бѣднаго энтузіаста, одного изъ необыкновеннѣйшихъ людей въ Россіи, и теперь, съ разрѣшенія начальства, отпертые Ушинскимъ, еще болѣе расширили взгляды Константина Дмитриевича на серьезныя задачи воспитанія и утвердили въ намѣреніи посвятить всего себя дѣлу русскаго просвѣщенія. Съ этого времени кончается, такъ сказать, *подготовительный пе-*

ріодъ его дѣятельности, и начинается на прежнихъ основахъ науки дѣятельность педагога-практика и писателя-теоретика. Къ этому же времени пребыванія Ушинскаго въ Гатчинѣ относится, кромѣ замѣчательныхъ статей въ *Воспитаніи* Чумикова, и первая его мысль о составленіи книги для начальнаго обученія русскому языку.

Необыкновенная по энергіи и разумности дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ, а также и литературная, обратили на него вниманіе министра народнаго просвѣщенія Норова, которому рекомендовалъ его извѣстный профессоръ и академикъ А. В. Никитенко, преподававшій въ Смольномъ институтѣ, и въ 1859 году К. Д. получилъ, при ихъ содѣйствіи, мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института, гдѣ, сообразно духу времени, требовавшаго расширенія умственнаго развитія и образованія женщинъ, готовились очень важныя преобразованія.

Довольно перечитать многочисленныя мѣста его сочиненій, гдѣ онъ говорилъ о важности семьи и благотворномъ вліяніи женщины, чтобы понять, съ какой радостью и съ какими широкими задачами принялъ онъ это новое мѣсто.

Управленіе Ушинскимъ учебною частью Смольнаго института, продолжавшееся всего только три года, представляетъ въ исторіи нашего образованія разительный примѣръ того, какое огромное вліяніе можетъ оказать на весь ходъ образованія въ государствѣ энергичная, талантливая личность, удачно выбранная и призванная къ дѣлу. И если Н. А. Вышнеградскій, около этого же времени осуществившій свой великій проектъ учрежденія женскихъ гимназій, открылъ дорогу всесловному женскому образованію, то К. Д. Ушинскій, внеся жизнь въ наши привилегированные инсти-

тутскіе интернаты, положилъ широкое основаніе разработкѣ учебныхъ программъ и распредѣленію учебныхъ предметовъ по классамъ. Программы эти, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, и въ настоящее время остаются, какъ наиболѣе разумныя, во всѣхъ нашихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Принявъ въ свое вѣдѣніе огромный интернатъ въ 700 дѣвицъ, представлявшій какой-то вопіющій анахронизмъ въ обновленный періодъ царствованія Александра II, Ушинскій уравнилъ учебный курсъ обѣихъ, такъ называвшихся въ обществѣ, благородной и неблагородной половинъ; уничтожилъ унижающія достоинство дѣтей особыя параллельныя отдѣленія для болѣе слабыхъ ученицъ; распредѣлилъ курсъ на семь лѣтъ, по одному году въ классѣ; положилъ основаніе особому педагогическому классу, гдѣ ученицы могли бы основательно знакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ; ввелъ въ младшіе классы наглядное обученіе, и родной языкъ положилъ основою всего образованія, выведя его изъ узкаго круга исключительно грамматическаго преподаванія, при которомъ дотолѣ не давалось мѣста развитію учащихся; оживилъ преподаваніе естествознанія и географіи; мертвую риторику и піитику замѣнилъ классными разборами самыхъ произведеній художественныхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, чтобъ уже на нихъ основывались теоретическіе выводы, а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ эстетическому развитію женщины предметовъ поставилъ исторію отечественной литературы. Онъ же первый у насъ, въ Россіи, посмотрѣлъ на математику не какъ на скучный для женщины, только терпимый, предметъ, а какъ на могущественное средство ея логическаго развитія, — словомъ, образованіе женщины, которое дотолѣ было у насъ только формальнымъ и

поверхностнымъ, поставилъ на практикѣ своего же учебнаго заведенія серьезнымъ, государственнымъ и общественнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ, Ушинскій справедливо можетъ считаться, вмѣстѣ съ Н. А. Вышнеградскимъ, истиннымъ основателемъ всего нынѣшняго женскаго русскаго образованія, обратившаго на себя вниманіе и Западной Европы. Рядомъ съ реформой образовательной, приведенной въ исполненіе въ Смольномъ институтѣ съ 12 апрѣля 1860 года, по мысли Ушинскаго же, хотя и послѣ него, было разрѣшено отпускать ученицъ нашихъ институтовъ къ роднымъ на каникулы и большіе праздники, чѣмъ уничтожалась прежняя оторванность дѣтей отъ родного дома.

Такого результата, какъ созданіе совсѣмъ новой, дотолѣ неслыханной у насъ, системы женскаго образованія и воспитанія, Ушинскій, центръ и душа всего дѣла, могъ достигъ только при дружномъ содѣйствіи цѣлаго кружка талантливыхъ преподавателей, вносившихъ въ свою дѣятельность упорный трудъ, одушевленіе и вѣру въ ея благотворность. При содѣйствіи этого же кружка только и могъ онъ цѣлыхъ три года бороться съ приверженцами старой рутинѣ, въ которыхъ недостатка не было, и которые сумѣли-таки оклеветать безкорыстнаго дѣятеля, глубокаго христіанина и патриота, передъ высшимъ начальствомъ. Какъ и всѣ истинно-геніальные практическіе дѣятели, Ушинскій отличался умѣньемъ выбирать людей. И вотъ, уже въ 1860 г., мы видимъ около него цѣлый кружокъ свѣжихъ педагогическихъ силъ, имена которыхъ пользуются общею извѣстностью. Таковы: В. И. Водовозовъ, Л. Н. Модзалевскій, Д. Д. Семеновъ, М. И. Семеновскій, Раевскій, О. Θ. Миллеръ, Лемени, Дестунисъ, В. И. Лядовъ, А. И. Павловскій, Я. П. Пугачевскій, В. Θ. Буссе, Массонъ, священникъ Головинъ и др. Не малый контингентъ этого замѣчательнаго педагоги-

ческаго персонала дала Ушинскому основанная около этого времени, по сосѣдству съ Смольнымъ институтомъ, первая, по времени открытія въ Петербургѣ, ежедневная бесплатная Таврическая школа, устроенная молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. О. Косинскимъ, энтузіастомъ педагогическаго дѣла, разрабатывавшимъ методику математическихъ наукъ, также приглашеннымъ въ число преподавателей. Интересно при этомъ, что весь женскій персоналъ института, за исключеніемъ только двухъ инспектрисъ: Е. Н. Обручевой и А. К. Сентъ-Илеръ, не только не сочувствовалъ преобразованіямъ Ушинскаго, но даже стоялъ, большею частію, прямо на сторонѣ его враговъ. Сдѣлавъ такой замѣчательный выборъ энергическихъ и преданныхъ дѣлу помощниковъ, Константинъ Дмитриевичъ сумѣлъ соединить ихъ всѣхъ въ одну тѣсную семью, о которой и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ старѣющіе ея члены. На четверги Ушинскаго, въ небольшой уютной сѣренькій флигель, составлявшій какъ бы частицу цѣлаго городка вдали отъ столицы, носившаго названіе *Смольнаго монастыря*, собирались всѣ, кто хотѣлъ, его друзья и сослуживцы; и тутъ-то, въ живой бесѣдѣ и одушевленныхъ спорахъ, и выработывались соединенными силами программы и методы, разные педагогическіе взгляды и системы, которыми въ шестидесятыхъ годахъ такъ интересовалось все образованное русское общество. Насколько горячо относился Ушинскій къ интересамъ своего дѣла въ Смольномъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что онъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ высшаго начальства, не останавливался въ привлеченіи къ педагогической дѣятельности ни передъ какими официальными дипломами, если только намѣчалъ кого-нибудь, какъ способнаго себѣ помощника. Такъ, были приглашены, на примѣръ, въ учителя молодые офицеры

М. О. Косинскій и артиллеристъ М. И. Семевскій, оказавшіеся отличными преподавателями математики и исторіи; также пригласилъ было Ушинскій преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ и известнаго покойнаго писателя Н. Г. Помяловскаго, о которомъ онъ слышалъ, какъ объ отличномъ учителѣ въ бесплатной Шлиссельбургской воскресной школѣ для дѣтей рабочихъ, но который, давъ нѣсколько хорошихъ пробныхъ уроковъ, къ сожалѣнію, самъ не пожелалъ занять штатнаго мѣста въ институтѣ. Въ этомъ же педагогическомъ кружкѣ Ушинскаго, составлявшемъ лучшую педагогическую живую семинарію и для самихъ молодыхъ преподавателей, кажется, окончательно обсуждался и начатый Ушинскимъ еще въ Гатчинѣ «Дѣтскій Міръ», на составленіе коего авторъ посвятилъ цѣлыхъ три года кропотливаго труда. Книга вышла въ началѣ 1861 года въ двухъ томахъ и имѣла такой громадный успѣхъ, что въ томъ же году уже потребовалось еще два изданія.

Такимъ-то образомъ, благодаря энергіи и таланту одного человѣка, въ какіе-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою полною жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого интереса. Всюду въ Петербургѣ заговорили о Смольномъ и его необыкновенныхъ учителяхъ; чиновники разныхъ вѣдомствъ, многіе просто интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, нарочно пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно въ младшихъ классахъ. Имя Ушинскаго, преподававшаго въ институтѣ на обѣихъ половинахъ педагогику и дидактику, гремѣло всюду; «Дѣтскій Міръ» сразу сдѣлался классной книгой во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; сами ученицы, и большія и маленькія, смотрѣвшія на ученье прежде какъ на противный трудъ, привязались и къ наукѣ,

и къ учителямъ, и особенно, къ гуманному своему инспектору, въ которомъ не слышали души и онъ сами и ихъ благодарные родители; въ самыхъ высшихъ сферахъ пользовался Ушинскій величайшимъ авторитетомъ, такъ что ему даже поручено было написать свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола,—словомъ, значеніе Константина Дмитриевича достигло апогея, и Богъ знаетъ, сколько добра русскому образованію могъ бы онъ сдѣлать, если бы оставался на своемъ мѣстѣ дольше; но тутъ-то и разразилась надъ нимъ катастрофа, едва не сведшая его въ могилу. Шедшій всегда прямо, нервный и болѣзненно-раздражительный, онъ не обладалъ способностью ладить съ людьми, поддаиваться къ нимъ, вс-время обходить дрянныя самолюбивца, которыя нерѣдко оскорблялъ рѣзкою прямою,—и, естественно, вооружилъ противъ себя очень многихъ. И вотъ, въ концѣ-концовъ, онъ былъ вынужденъ, въ началѣ 1862 года, не только оставить инспекторство, но даже нѣсколько сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писать свое оправданіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжкихъ обвиненій, грозившихъ неминуемой гибелью и ему самому и всей его многочисленной семьѣ,—обвиненій, въ которыхъ онъ менѣе всего былъ повиненъ, и которая взвела на него гнусная клевета - доносъ, — лучшее орудіе въ рукахъ всѣхъ воистину неблагонамѣренныхъ людей, не любящихъ своей родины. Тутъ-то, какъ громомъ пораженный въ самое сердце, за писаніемъ этихъ печальныхъ оправдательныхъ страницъ, сразу посѣдѣлъ Ушинскій и сталъ харкать кровью...

Но высокое вниманіе къ неповинному страдальцу государыни императрицы Маріи Александровны, знавшей его лично съ самой безупречной стороны, спасло Ушинскаго. Не могли уже, конечно, по чисто официальнымъ соображеніямъ, продолжать инспекторскую

дѣятельность, онъ былъ причисленъ, съ сохраненіемъ всего прежняго содержанія, къ IV отдѣленію и даже получилъ заграничную командировку.

Такъ закончилась непримѣрная у насъ официальная громкая дѣятельность Ушинскаго. Враги его торжествовали. Но не стало реформатора, — не умерла реформа. Она не только осталась въ Смольномъ, но и была введена во всѣ женскіе институты имперіи. Еще и до сихъ поръ его питомицы, многія изъ нихъ сами матери и бабушки, съ глубокою благодарностью вспоминаютъ своего добраго наставника, избавившаго ихъ, можетъ-быть, цѣной своей собственной жизни, отъ духовнаго и физическаго пораженія, на которое обрекала тысячи русскихъ женщинъ прежняя система воспитанія.

Еще во время инспекторства Ушинскаго въ Смольномъ монастырѣ, А. В. Головинъ, задумавшій въ виду наступившихъ реформъ по образованію, сдѣлать «Журналъ министерства народн. просв.» органомъ обсуждения и разъясненія педагогическихъ вопросовъ, предложилъ Ушинскому должность редактора, и съ половины 1860 года этотъ журналъ, дотолѣ сухой официальный сборникъ правительственныхъ распоряженій и специальныхъ случайныхъ статей, такъ преобразился, что живо сталъ интересовать и публику, особенно, статьями самого редактора, напр., *Трудъ, О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи, Проектъ учительской семинаріи, Родное слово* и др. Ушинскій оставался редакторомъ, впрочемъ, недолго, всего до ноября 1861 года, такъ какъ новый министр, графъ Путятинъ, вознамѣрился сдѣлать изъ журнала ученый сборникъ по всѣмъ наукамъ, на что К. Д. не считалъ себя способнымъ, хотя и продолжалъ еще нѣкоторое время участвовать въ журналѣ въ качествѣ сотрудника, и въ мартѣ 1862 года помѣстилъ въ немъ

обстоятельный разбор сочинений Пирогова. Глубоко сочувствуя взглядамъ послѣдняго на воспитаніе и восторженно относясь къ высокой личности медика-педагога, Ушинскій не раздѣлялъ, впрочемъ, его убѣжденія относительно необходимости положить въ основу русскаго воспитанія классическіе языки, и высказалъ прямо, что не чужіе и мертвые языки, а языкъ родной есть лучшее средство духовнаго развитія. Эту же мысль горячо проповѣдывалъ Ушинскій и въ газетѣ «Голосъ», а для осуществленія ея вскорѣ приступилъ къ составленію своего, до сихъ поръ еще незамѣнимаго, руководства «Родное Слово».

Разстроивъ непріятностями и литературнымъ трудомъ здоровье, онъ въ маѣ 1862 года уѣхалъ съ семействомъ за границу, получивъ отъ IV отдѣленія командировку ознакомиться съ иноземными женскими учебными заведеніями. За границей Ушинскій провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ, до 1867 г., живя большею частью въ Швейцаріи, близъ Веве, и въ Гейдельбергѣ, гдѣ познакомился и очень сблизился съ Н. И. Пироговымъ. Еще никогда не видя его, Ушинскій пишетъ къ одному знакомому изъ Интерлакена въ Гейдельбергъ: «Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ и часто съ нимъ видаетесь: для него одного стоитъ переселиться на зиму въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человѣка, но едва ли есть кто-нибудь другой, кого я уважалъ бы болѣе». Ушинскій считалъ его человѣкомъ, способнымъ возвысить и укрѣпить духъ другого человѣка,—человѣкомъ, жизнь котораго можетъ для всякаго служить образцомъ. «Наконецъ-то,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодые поколѣнія. Пусть наша молодежь смо-

трить на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена». Это-то трогательное сближеніе двухъ величайшихъ нашихъ педагоговъ, какъ намъ кажется, имѣло особенно благотворное вліяніе на Ушинскаго. Оно укрѣпило его слабѣющій духъ, поддержало въ немъ вѣру въ свои силы и дало новую энергію для достойнаго заключенія его литературно-педагогической дѣятельности.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій прежде всего занялся изученіемъ ея школьнаго устройства, въ особенности, народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ; и уже осенью 1862 года, въ «Журн. министерства народнаго просв.», редакція котораго перешла къ его помощнику и товарищу по университету Ю. С. Рехневскому, появились *Письма изъ Швейцаріи*, особенно поразившія публику строгимъ контрастомъ швейцарской школы съ нашей. Интересъ къ бѣдной русской школѣ и вообще къ дѣлу народнаго образованія усилился у Ушинскаго за границей еще болѣе. Но при всемъ недовольствѣ настоящимъ русской педагогіи, его никогда не покидала надежда на свѣтлое будущее. «Теперь именно настаетъ пора, — пишетъ онъ изъ-за границы, — когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе, — и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, какую могли бы принести эти истинно-великіе шаги впередъ. Школу, народную школу, дайте Россіи, — и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ; готовьтесь безъ утопій, но и безъ охлажденія, съ вѣрою въ Провидѣніе и человѣчество, въ его

божественное назначеніе, потому что безъ вѣры ничего не сдѣлаете»... И вотъ для этой-то школы началъ Ушинскій составлять въ Швейцаріи свои книжки для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей отъ 6—9-лѣтняго возраста, — «Родное Слово», приспособивъ ихъ не только къ употребленію въ училищахъ, но и къ воспитанію домашнему. Но при составленіи этихъ книгъ онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду учительницу-мать. «Я желалъ бы отъ всей души, — говоритъ онъ, — чтобы на моей родинѣ развивались въ русской женщинѣ склонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости». Двѣ первыя книжки этого великаго труда, надъ которымъ авторъ работалъ цѣлыхъ четыре года, вышли въ 1864 году; затѣмъ появилась его «Книжка для учащихся» и, наконецъ, только въ 1870 году, — единственный у насъ опытъ нагляднаго изложенія грамматики, также съ руководствомъ для преподавателей: «Родное Слово — годъ третій».

Рядомъ съ этими трудами, всѣмъ въ Россіи извѣстными и сдѣлавшими имя Ушинскаго *народнымъ*, а по громадному, *милліонному* количеству разошедшихся экземпляровъ совершенно у насъ безпримѣрнымъ, назрѣвала у Константина Дмитриевича мысль о составленіи обстоятельнаго курса педагогій. Къ такому труду побуждало его и IV отдѣленіе, возложившее на него порученіе написать руководство для учителей. Принимая во вниманіе почти полное отсутствіе у насъ всякихъ философскихъ знаній и книгъ по этой части, онъ рѣшился, воспользовавшись эклектическимъ путемъ философскими трудами величайшихъ иностранныхъ

ученыхъ, создать такой особый систематическій сборникъ антропологическихъ статей, который давалъ бы педагогу возможность получить ясное понятіе о физической и духовной природѣ человѣка, какъ ихъ понимаетъ современная европейская наука. Смотря на педагогику только какъ на искусство, которому можно выучиться на практикѣ, а въ нѣмецкихъ педагогикахъ видя только своды извѣстныхъ правилъ, мало понятныхъ и приложимыхъ къ дѣлу безъ знанія вообще человѣческой природы,—Ушинскій считалъ въ настоящее время единственно полезною для Россіи именно только такую философско-эклектическую книгу, написанную возможно-понятнымъ языкомъ. И вотъ онъ принялся перечитывать цѣлую массу философскихъ сочиненій всѣхъ народовъ, древнихъ и новыхъ, дѣлая изъ нихъ выписки на особыхъ листочкахъ цѣлыя пять лѣтъ пребыванія за границей; и въ 1867 году явился въ Петербургъ съ цѣлой громадной массой сырого матеріала, который нужно было привести въ систему и связать все одной идеей, уже давно созрѣвшей въ его головѣ. Этотъ огромный, числовой, трудъ выполненъ уже здѣсь менѣе чѣмъ въ годъ, такъ что уже къ концу 1867 года вышелъ первый томъ книги: «Человѣкъ какъ предметъ воспитанія,—опытъ педагогической антропологіи», а 1869 г.—и второй, третій же, гдѣ предполагались приложенія теоріи къ практикѣ воспитанія, остался, къ сожалѣнію, только въ однихъ черновыхъ рукописныхъ наброскахъ. Но и этихъ двухъ томовъ, представляющихъ обширную и единственную у насъ популярную философскую энциклопедію, полезную не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка,—вполнѣ было бы достаточно, чтобы навсегда сдѣлать безсмертнымъ для Россіи имя Ушинскаго, если бъ его заслуги ограничивались даже однимъ этимъ великимъ трудомъ.

Вторымъ томомъ антропологии, собственно, и закончилась дѣятельность Ушинскаго. Неумоимо работая надъ своей книгой, посѣщая педагогическія собранія во 2-й гражданской гимназіи и университетскіе диспуты, проводя немногіе свободные часы въ кругу нѣжнолюбимаго семейства и избранныхъ друзей, Ушинскій чувствовалъ себя, относительно, даже здоровымъ; его матеріальныя средства, благодаря необыкновенному успѣху книгъ, были въ цвѣтущемъ состояніи; имя его не только въ столицахъ, но и по всей Россіи, гдѣ постепенно открывались школы и семинаріи, пользовалось самую широкою популярностью; духъ былъ бодръ и обѣщаль, повидимому, еще многіе годы труда на благо родины; въ семнадцатилѣтнемъ сынѣ своемъ, необыкновенно симпатичномъ молодомъ человѣкѣ, съ прекраснѣйшей душой и способностями, только что блестяще оканчивавшемъ курсъ во 2-й Военной Петербургской гимназіи въ іюнѣ 1870 года, онъ видѣлъ въ будущемъ достойнаго себѣ помощника,—словомъ, все, повидимому, такъ счастливо соединилось для Ушинскаго, чтобы достойно вознаградить его за всѣ труды на пользу родины. Но завистливая судьба, мало балующая нашихъ русскихъ дѣятелей, готовила ему въ ближайшемъ будущемъ неожиданный, и самый жестокой ударъ, который быстро свелъ Ушинскаго въ могилу.

Весною 1870 года Ушинскій, всегда боявшійся петербургской весны, отправился посоветоваться съ докторами въ Вѣну. Они послали его въ Крымъ лѣчиться кумысомъ, и онъ проѣхалъ черезъ Одессу прямо въ Бахчисарай, гдѣ и возстановилъ значительно свое здоровье. Желая познакомиться съ Крымомъ поближе, предпринялъ онъ поѣздку въ Симферополь, куда попалъ какъ разъ къ сѣзду народныхъ учителей. Съ великимъ почетомъ встрѣтило его все симферопольское

общество, и мѣстный директоръ народныхъ училищъ предложилъ ему осмотрѣть татарскую школу, гдѣ въ особомъ классѣ русскаго языка Ушинскій видѣлъ примѣненіе своего «Родного Слова» на практикѣ, и затѣмъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ съѣзда, а въ день его отъѣзда всѣ учителя, съ директоромъ во главѣ, и многіе изъ публики устроили настоящую овацію, глубоко его тронувшую. Убѣдившись воочію, какое громадное значеніе имѣетъ его дѣятельность, и насколько даже въ томъ видѣ, въ какомъ было составлено «Родное Слово», преимущественно для горожанъ и достаточныхъ классовъ, оно пользуется успѣхомъ, онъ твердо рѣшился приняться за передѣлку книги, въ примѣненіи *именно къ народной школѣ*. «Написать книгу,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «Антропологию», и потомъ только я сколько-нибудь примѣню «Родное Слово» къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе «Родного Слова». Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего досаднѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежняго здоровья, и я бы, кажется, все окончилъ». Занимала его мысль и о составленіи «Популярнаго курса отечественной исторіи», и, встрѣтившись въ это же лѣто въ Ялтѣ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ горячо убѣждалъ его приняться за это дѣло.

Такъ, полный широкихъ замысловъ, поощряемый сочувствіемъ русскаго общества и значительно поправившись въ Крыму здоровьемъ,—спѣшилъ Ушинскій, въ концѣ іюля, въ свое имѣніе Богданку (Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда) къ родной семьѣ, куда пріѣхалъ еще въ іюнѣ его люби-

мецъ старшій сынъ, но тутъ-то и ждалъ отца страшный ударъ.

Ушинскій пріѣхалъ какъ разъ въ день похоронъ своего любимца, нечаянно застрѣлившагося на охотѣ. Эта смерть окончательно надломила его силы, и духовныя и физическія. Спокойный по наружности, ушедшій весь въ себя, онъ всѣ свои заботы направилъ на лучшее устройство своего имѣнія и на покупку гдѣ-либо дома, чтобъ «свить гнѣздо своей семьѣ». Осенью же онъ перевезъ семью въ Кіевъ, но самъ прожилъ тамъ недолго. Мрачныя предчувствія томили его. Доктора посылали опять лѣчиться въ Крымъ, самого же его тянуло въ Петербургъ, гдѣ прошла лучшая часть его жизни, и онъ отправился въ Одессу со своими двумя младшими сыновьями, но дорогой простудился и заболѣлъ уже въ Одессѣ воспаленіемъ легкихъ. Чувствуя близость смерти, онъ тотчасъ же выписалъ всю семью, и 21 декабря 1870 года, благословивъ дѣтей, тихо скончался въ полномъ сознаніи, истиннымъ христіаниномъ, всего только на сорокъ седьмомъ году труженической жизни. Почести, отданныя его тѣлу при перенесеніи изъ одесскаго кафедральнаго собора, гдѣ происходило отпѣваніе, на станцію желѣзной дороги, встрѣча его на станціи Куликовополе, торжественное погребеніе въ Кіевѣ, въ Выдубицкомъ монастырѣ, — наглядно показали, что русское провинціальное интеллигентное общество уже научилось цѣнить истинныя заслуги человѣка, всю жизнь свою посвятившаго воспитательному дѣлу своей родины.

Обозрѣвъ въ самыхъ главныхъ чертахъ жизнь Ушинскаго, насколько выразилась она во внѣшней дѣятельности, посмотримъ, какое же значеніе имѣетъ эта личность, и въ чемъ можетъ она быть поучительна для настоящихъ юныхъ поколѣній педагоговъ и ближайшаго будущаго.

Подобная личность прежде всего глубоко поучительна со стороны тѣхъ элементовъ, которые способствовали ея образованію. Эти элементы: во-первыхъ, вліяніе семьи, особенно матери, внесшей въ душу сына любовь и теплое религіозное чувство; во-вторыхъ, отсутствіе въ школѣ мертвящаго духа непосильной учебной работы, забивающей самостоятельное развитіе ребенка и его личность; въ-третьихъ, дружное товарищество, отъ раннихъ лѣтъ воспитывающее духъ общественности и подавляющее въ ребенкѣ эгоизмъ и обособленность; въ-четвертыхъ, — что особенно важно, — высокія, проникнутыя любовью къ наукѣ, личности воспитателей, какими были для Ушинскаго — въ гимназіи Тимковскій, и университетѣ — Грановскій и Рѣдкинъ; наконецъ, самое время конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, съ одной стороны, крайне глухое время крѣпостнической Руси, съ другой, въ немногихъ, но зато наиболѣе талантливыхъ своихъ интеллигентныхъ представителяхъ, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и др., а также нѣкоторыхъ учителяхъ, преимущественно словесникахъ и профессорахъ, сосредоточившее очень сильное умственное движеніе, вліявшее особенно на учащуюся молодежь. Только при подобныхъ благопріятныхъ условіяхъ и могла развиться вполне такая личность, какъ Ушинскій; а для того, чтобы его дѣятельность могла развернуться и имѣть такой успѣхъ, нужно было, чтобы въ самомъ обществѣ почувствовался тотъ подъемъ духа, которымъ такъ рѣзко выдѣляются въ нашей исторіи конецъ пятидесятихъ и шестидесятые годы. Вотъ почему совершенно справедливо замѣчаетъ г. Старчевскій, что другого такого человѣка, равнаго Ушинскому по душѣ, знанію и широкой педагогической дѣятельности, который пришелъ бы ему на смѣну, долго придется ждать русской педагогикѣ, потому что

все у насъ съ того времени ужасно переѣнилось... Тѣмъ болѣе преждевременная кончина Ушинскаго есть большое несчастіе и невознаградимая утрата для нашего общества и науки. Его труды произвели совершенный переворотъ въ русской педагогикѣ: въ системѣ воспитанія, въ семьѣ, въ отношеніи родителей къ дѣтямъ. Высокій и чистый въ своемъ ученіи, онъ своимъ словомъ и примѣромъ будиль сонное общество, указывалъ ему настоящее, святое дѣло, которое и до сихъ поръ намъ всего нужнѣе, — дѣло христіанскаго, народнаго воспитанія нашихъ дѣтей, и избавилъ отъ многихъ страданій слѣдующія поколѣнія. Вотъ что говорить о немъ одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ, близко его знавшій и долго вмѣстѣ съ нимъ работавшій: «Это былъ *человѣкъ идеи* прежде всего, *идеалистъ* въ лучшемъ смыслѣ этого слова, помимо науки и религіи не допускавшій возможности истиннаго прогресса ни для русской школы въ частности ни для Россіи вообще». «У насъ, — пишетъ Ушинскій въ одномъ письмѣ, — прежде всего недостаетъ *педагогической идеи*, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія; а плодovitая педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ. Вѣковой традиціи, которая, главнымъ образомъ, ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на общественномъ сознаніи, тоже нѣтъ; а потому, безъ особыхъ университетскихъ кафедръ антропологии и даже особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой, рѣшительно невозможно образованіе у насъ, въ настоящее время, дѣйствительно хорошихъ учительскихъ семинарій, хотя и желательно пока, по крайней мѣрѣ, учрежденіе особыхъ школъ для дрсировки въ педагогической практикѣ, — ремеслѣ, въ сущности, нехитромъ. Этой философско-педагогической

идеи наши университеты, какъ извѣстно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящаго времени; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ тоже мало дается матеріала для пытливой мысли и склонности къ самостоятельному занятію науками гуманными, какъ литература, исторія и, особенно, философія». «Такимъ образомъ, — продолжаетъ почитатель Ушинскаго, — единственнымъ представителемъ *научной педагогiи* у насъ до сихъ поръ остается одинъ Ушинскій, вліяніе котораго можно видѣть ясно во всѣхъ трудахъ нашихъ лучшихъ педагогическихъ писателей, составителей руководствъ, учебниковъ и вообще во всей литературѣ, обнимающей кругъ элементарнаго образованія. Тѣ задачи, которыя были поставлены въ знаменитыхъ *Вопросахъ жизни* Н. И. Пирогова, были научно разрѣшены однимъ Ушинскимъ, который поэтому можетъ быть, по праву, названъ его послѣдователемъ и главнѣйшимъ представителемъ, отцомъ русской педагогiи. И чѣмъ далѣе будетъ развиваться наша педагогическая литература, и чѣмъ болѣе будетъ совершенствоваться русская школа, тѣмъ болѣе должно расти и значеніе К. Д. Ушинскаго, вдохнувшаго идею въ русское воспитаніе и указавшаго ему путь къ безконечному развитію на тѣхъ же физико-психологическихъ или, вѣрнѣе, антропологическихъ началахъ, на которыхъ оно уже установлено у образованнѣйшихъ народовъ».

Викторъ Острогорскій.